

**Отзыв официального оппонента на диссертацию Степанова Алексея
Сергеевича на тему: «Военная политика США в отношении Китая в начале
XXI века» на соискание ученой степени кандидата политических наук по
специальности 5.5.4. – Международные отношения, глобальные и
региональные исследования**

Диссертация Степанова Алексея Сергеевича посвящена актуальной теме военной политики США в отношении Китая. При условии того, что США и Китай являются ведущими великими державами и от характера отношений между ними во многом зависит мировой порядок, значение данной проблематики сложно переоценить. Помимо этого, значимость данной темы подчеркивает то, что именно Китай является той державой, которая в будущем способна бросить вызов доминированию США в мировой системе. Несомненную актуальность данной теме добавляет то, что произошла серьезная трансформация отношений между США и Китаем и преобладание стратегического соперничества оказывает огромное влияние на региональный порядок в Восточной Азии и Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР). При условии глубокого кризиса в отношениях между Россией и США и укрепления российско-китайского стратегического партнерства, в особенности в сфере безопасности, качественный анализ военной политики США в отношении КНР имеет большое значение и для интересов Российской Федерации в регионе.

Структурно диссертация состоит из введения, четырех главы, заключения и списка источников и литературы. В первой главе рассматриваются некоторые термины исследования, процесс принятия решений по проблематике военной политики в США и дается краткая характеристика американо-китайских отношений (С.22-55). Во второй главе проводится анализ усиления военной мощи КНР и рассматриваются отношения Китая со странами ИТР (С.56-114). Третья глава посвящена анализу эволюции подхода четырех администраций США к военной политике в отношении КНР в концептуальных документах (С.115-143). В четвертой главе анализируется трансформация политики США в отношении КНР в контексте политики в ИТР (С. 144-209).

Положения, выводы и рекомендации, сформулированные автором, являются обоснованными проведенным соискателем анализом. Их достоверность и научная

новизна определяются рассмотрением большого количества научных работ, аналитических докладов, экспертных комментариев и источников по военной политике США в отношении Китая и ИТР в целом на русском и английском языках.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что автор провел комплексный анализ военной политики США в отношении Китая, продемонстрировав основные тенденции ее трансформации и объяснив причины изменений путем анализа как процесса принятия решений в самих США и роли отдельных акторов в нем, так и эволюции военной политики США в целом, их стратегии в АТР и ИТР и применительно к Китаю в частности. Диссертация отличается комплексностью, интегральностью и сложностью раскрытия темы, что связано с ее многоаспектным характером. Автором был проведен блестящий анализ военной политики США в отношении Китая в контексте проводимой политики в АТР и ИТР, который характеризуется большой глубиной и значительной научной новизной. А.С. Степанову удалось показать как элементы преемственности в политике четырех американских администраций, так и трансформацию и ее причины, обратив внимание на аспекты, которые связаны с политикой КНР с одной стороны и самих США, не имеющих прямого отношения к Китаю, с другой.

Комплексность и глубокий уровень осмысления проблематики определяется несколькими аспектами. Во-первых, в работе раскрывается роль различных акторов в процессе принятия военной политики США в отношении КНР. Особый интерес вызывает анализ роли Конгресса и позиции Республиканской и Демократической партий. Автору удалось показать, как различные администрации влияли на трансформацию политики. Во-вторых, следует особенно выделить глубокий анализ как концептуальных документов в отношении данной проблематики, так и американской стратегии и ее реализации в контексте общей стратегии США в АТР и ИТР. А.С. Степанову удалось подробно проанализировать политику американских администраций в Азии и «встроить» политику по отношению к Китаю в данное региональное направление, что придало исследованию критически важный контекст и большую глубину. В-третьих, был проведен качественный и высокий по сложности анализ военного потенциала КНР

и его соотношения с военным потенциалом США по всем основным системам вооружений, что позволило получить значимые выводы о его качественных характеристиках и изменениях баланса сил между КНР и США. В-четвертых, при рассмотрении политики США в АТР и ИТР были учтены и военные, и политические, и экономические, и идеологические аспекты, что позволило провести действительно комплексный и многоаспектный анализ. В-пятых, помимо самой политики США, автор также рассмотрел политику КНР в регионе, что позволило указать на причины и факторы, обуславливающие трансформацию политики Соединенных Штатов.

В заключении автор приходит к целому ряду интересных выводов, касающихся как военной и внешней политики США в отношении Китая и ИТР в целом, так и в отношении КНР и возможных очагов военных конфликтов между ними. Особенно ценными представляются выводы о том, что США все еще сохраняют технологическое преимущество перед всеми видами китайских систем вооружений, но КНР значительно сократил отрыв благодаря достигнутому прогрессу в военной модернизации, и все это дает Китаю значительные преимущества в случае потенциального военного конфликта. Возможности США использовать военную силу в Западной части Тихого океана, наоборот, оказываются ограничены (с. 213-214). Помимо этого, нельзя не согласиться с выводом о том, что цели США заключаются в сохранении превосходства в силовом отношении и недопущении военного доминирования Китая в АТР и ИТР, и что США ради достижения этой цели стремятся «действовать на опережение», развивая передовые системы вооружений с учетом «революции в военном деле» (с. 214-215). Автор справедливо отмечает, что Соединенные Штаты стремятся вовлекать своих союзников и партнеров в реализацию этой цели и поддержания статус-кво и противодействие Китаю, при этом упор стал делаться на гибкие эксклюзивные форматы (с. 216). Справедливо отмечается и комплексность и многоформатность стратегического соперничества между США и КНР с акцентом на военно-технологическое измерение (с. 216-217). Заслуживают интерес и выводы автора о ключевых конфликтах между США и КНР и прогнозах их возможной эскалации (с. 217-222).

Как и для любого самостоятельного, комплексного и сложного исследовательского произведения, для диссертации А.С. Степанова характерен ряд недостатков. Переходя к **критическим замечаниям и дискуссионным вопросам**, необходимо отметить ряд моментов. Необходимо заранее оговориться, что многие из них связаны с комплексностью подхода, избранного автором, с большой широтой темы и подробным изучением различных ее аспектов и сложностью структуры диссертационного исследования. Помимо этого, ряд тезисов представляются дискуссионными и вызывают желание подискутировать с автором в рамках научной дискуссии или получить ответы на некоторые вопросы. В связи с этим, замечания будут структурированы по блокам.

Во-первых, возникает ряд вопросов к автореферату и введению. В связи с тем, что данное исследование по политическим (а не историческим) наукам, следовало бы охарактеризовать теоретическую базу исследования. По прочтению диссертации так и не было прояснено, какова теоретическая рамка данной работы, тогда как это имеет ведущее значение для работ на соискание степени кандидата политических наук. В связи с этим параграф 1.1 полностью подвисает: определяя термины, автор не встраивает их в существующую научно-теоретическую дискуссию (хотя название заявлено как разграничение теоретических понятий), что явно является большим упущением для данной проблематики. Возникает вопрос, как можно говорить об американской стратегии, тем более о «большой стратегии» (grand strategy), не опираясь на ту или иную теоретическую парадигму? Рассуждать о конкурентной военной модернизации, даже не упомянув о концепции «дилеммы безопасности»? Помимо этого, осталось неясно, какую научную проблему или исследовательский вопрос ставит автор в своем исследовании.

Следует выделить ряд погрешностей в автореферате и введении. Несмотря на выделение большого массива исследований при обосновании степени научной разработанности темы, стоит отметить, что далеко не все ключевые исследования по данной проблематике были перечислены (например, нет работ таких известных российских исследователей, как Ю.М. Галеновича, А.Д. Воскресенского, В.Я. Портякова, А.В. Виноградова, Е.В. Колдуновой, Е.А. Канаева, И.А. Истомина, из иностранных авторов – Р. Саттера, Р. Буша, М. Грина, З. Купера, М. Кука, Р. Хааса, Э. Экономи и других). Помимо этого, при характеристике степени разработанности

темы в иностранной литературе на с. 9-11 по непонятной причине практически нет сносок на работы. Кроме того, очевиден недостаток работ по политике США в АТР и Индо-Тихоокеанского региона в целом и политике администраций Б. Обамы, Д. Трампа и Дж. Байдена в частности. Складывается впечатление, что более современные работы тех же авторов упущены. Например, на с. 13 автореферата упоминается о статье А. Джонстона 2003 г., но не упоминается ни одна из его многочисленных более поздних работ. В описании источников базы полностью отсутствуют сноски на конкретные источники. Из-за этого осталось неясно, в частности, на какие аналитические доклады опирался автор диссертации.

Во-вторых, из прочтения текста диссертации складывается впечатление о ее неровном качестве: автор представляет блестящий анализ политики США и демонстрирует очень высокий уровень владения материалом и его осмысливания (Параграфы 1.2. и 1.3. Главы 1, Главы 3 и 4), делает значимые для мировой научной дискуссии и нетривиальные выводы с большой научной новизной, но при этом параграфы 1.4. и 2.1. явно недоработаны и содержат большое количество ошибок, неточностей и даже искажений.

Вызывает вопросы, почему в параграфе 1.4 «Краткая характеристика американо-китайских отношений после окончания холодной войны» всего одна сноска. Он скорее реферативен, а не аналитичен. Помимо этого, параграф 1.4 структурно не соотносится с названием главы 1 и предыдущими параграфами, что вызывает вопросы о его целесообразности и качестве.

Наибольшие вопросы во всем диссертационном исследовании вызывает параграф 2.1. «Усиление geopolитического влияния КНР».

- Вызывает вопросы структура и содержание параграфа 2.1., посвященного усилению geopolитического влияния КНР. В диссертации не объясняется логика, почему в него объединяются такие разные темы, как территориальные споры в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях (ВКМ и ЮКМ), инициатива «Один пояс, один путь», отношения с АСЕАН, Австралией, Новой Зеландией и Океанией, и отдельно влияние в Индийского океана. Почему конфликты в ВКМ и ЮКМ рассматриваются в параграфе про усиление geopolитического влияния (с. 60-62)? В самом тексте это никак не объясняется. Разве эскалация конфликтов реально привела к его усилению? Представляется, что это не совсем так, а может

быть и совсем наоборот: обострение территориального спора в ВКМ привело к усилению дилеммы безопасности в китайско-японских отношениях и восприятию Японией действий Китая как реальной угрозы безопасности, что в свою очередь подтолкнуло Японию к противостоянию КНР (“soft balancing”), выдвижению стратегии свободного и открытого Индо-Тихоокеанского региона и сотрудничеству с другими игроками, заинтересованными в противодействии изменению Китаем регионального порядка в свою пользу – что совершенно не способствовало усилению влияния Китая в регионе. Помимо этого, возникает вопрос, почему автор даже не рассматривает Корейский полуостров? Полагает ли он, что влияние Китая на полуострове, особенно на КНДР, не имеет значение для АТР и военной политики США?

- В параграфе 2.1. ничего не сказано о политике КНР в области безопасности и ее целях, что Китай понимает в качестве своих «коренных интересов», чего он добивается в АТР и ИТР. Не проведя комплексного анализа данной проблематики, автор делает некорректный вывод о том, что растущее влияние Китая обуславливается стремлением поддерживать экономический рост (с. 76), тогда как это только одна из причин. Осталось неясно, в чем заключается рост именно влияния КНР в АТР, как Китай влияет на страны региона, с какими целями он это делает и что ему это позволяет добиться. Кроме констатации тезисов в выводах к параграфу о том, что влияние Китая расширяется и «Один пояс, один путь» - это крупнейший проект по расширению геополитического влияния КНР (с. 76-77), и «используя ряд методов, Китай старается установить непрямой контроль над развивающимися странами региона ... в результате чего приобретает возможность изменять внешне- и внутриполитические приоритеты этих стран в соответствии со своими интересами», А.С. Степанов это никаком образом не объясняет. Утверждая, что Китай расширяет сферу своего влияния в АТР, во всем параграфе автор не приводит примеров такого влияния, даже таких очевидных, как Камбоджа и Лаос в АСЕАН, Пакистан в регионе Индийского океана, Соломоновы острова в Океании.

- Вызывает вопрос тезис автора о паназиатском мировоззрении Китая (с. 79). Часть выводов оказываются не подкреплены анализом в тексте параграфа (с. 78-80).
 - Какие-то выводы автор, наоборот, не делает. Например, упоминая о выступлении председателя КНР Си Цзиньпина на СВМДА в 2014 г. (с. 58), А.С.

Степанов не объясняет, что значит идея обеспечения безопасности в Азии руками самих стран Азии с точки зрения присутствия США в регионе. После рассмотрения эскалации территориального спора в ВКМ ничего не говорится о ее влиянии на двусторонние отношения и японскую стратегию. При рассмотрении концепции «сообщества единой судьбы человечества» (с. 58) фактически не объясняется ее суть и назначение. Так и осталось неясным, почему на с. 71 А.С. Степанов пишет о том, что расширение влияния Китая в Австралии способствует реализации концепции «сообщества единой судьбы человечества». Почему именно Австралии? Насколько после торговой войны, начавшейся в 2020 г., о которой в диссертации почему-то вообще не упоминается, корректно говорить о расширении влияния КНР в Австралии?

- «В начале XXI века внешняя политика Китая базировалась на повышении своего внешнеэкономического, а затем и политического влияния за счёт «дипломатии обаяния»» (с. 57). Вызывает вопросы, что такое «дипломатия обаяния»? Суть политики не объясняется. При этом про политику добрососедства, заключение партнерств со странами региона и логику увеличения инвестиционных взаимосвязей в результате создания цепочек добавленной стоимости не объясняется (сами ЦДС упоминаются, но логика межрегионального разделения труда не объясняется).

- Вызывает большие вопросы следующий тезис автора, который невозможно считать корректным: «Усиление влияния Китая в ЮКОМ опосредованно проявляется через сотрудничество с такими странами, как Пакистан, который передал в управление Китаю порта г. Гвадар в Аравийском море, который Китай мог бы использовать в качестве альтернативного маршрута для транспортировки грузов в случае ограничения проходимости судов через Малаккский пролив.» (с. 65).

Намного более благоприятное впечатление производит анализ в параграфе 2.2., посвященном усилению военного потенциала КНР. Однако в данной части текста диссертации автор постоянно ссылается на свою собственную статью и приводит много прямых цитат из нее, не указывая при этом источник информации. В результате, во многих случаях остается не понятно, откуда автор берет те или иные сведения или оценки, не говоря уже про недопустимость постоянных ссылок

на свои же работы. Особенно странно выглядят ссылки на свою же статью после следующего текста: «Эксперты отмечали недостаточное количество боевых бронированных машин ...» (с. 90); «По оценке экспертов, неядерные баллистические ракеты могут быть использованы Китаем для нанесения массированного удара по аэродромам и взлётным полосам, расположенным на Тайване, в Японии и на Гуаме» (с. 96).

В-третьих, целый ряд тезисов в положениях, выносимых на защиту, указанных в автореферате выводах и заключении к самой диссертации также вызвал вопросы:

- «Делается вывод о том, что в основе роста военного потенциала Китая лежит стремление поддержания экономического роста, который требует как новых рынков сбыта, так и безопасных путей транспортировки экспортных товаров и природных ресурсов.» (с. 27 автореферата). Неясны национальные интересы КНР в области безопасности, которые не связаны с экономическим ростом, и в тексте диссертации они не выделяются, тогда как они, несомненно, присутствуют и являются важными. В продолжение данной проблематики в выводе №2 в качестве примера того, что национальные интересы Китая заключаются в поддержании экономического роста, приводится строительство КНР искусственных островов в ЮКМ и военной инфраструктуры на них. (с. 31 автореферата). Данный пример абсолютно нерелевантен и не соответствует действительности.
- Положения, выносимые на защиту (с. 21 автореферата): №1 «Эволюция американской политики сводится к расширению круга союзников в АТР». Во-первых, вызывает вопросы, почему автор все время пишет про АТР, а не про Индо-Тихоокеанский регион. Это является целесообразным для анализа политики администраций Дж. Буша и Б. Обамы, но не отражает действительности, начиная с администраций Д. Трампа и Дж. Байдена в связи с выдвижением стратегии свободного и открытого ИТР. Часто упоминаемая автором Индия в АТР не входит. Во-вторых, тезис о союзниках не вполне корректен – новых союзников у США не появилось. Скорее, следовало бы говорить об укреплении союзов, расширении круга партнеров, создании гибких

коалиций из определенного числа союзников и партнеров и стимулировании сетевого взаимодействия между ними.

- Положение, выносимое на защиту № 3 (с. 22 автореферата) и выводы (с. 214) – Перечислены сферы, в которых преимущество США перед Китаем в военной сфере сокращается. Как оценивает автор, какие именно сферы можно выделить, в которых преимущество США все еще велико, а в каких сферах Китай уже серьезно догоняет или составляет реальную конкуренцию США?
- Положение, выносимое на защиту № 4: представление о том, что Quad и AUKUS – союзы (с. 23 автореферата), не является корректным. В тексте также неоднократно в качестве союзников называются партнеры США, такие как Индия (например, с. 134, с. 221 выводов), тогда как в американских документах всегда присутствует четкое разграничение на союзников, с которыми США связаны обязательствами по защите, и партнеров, с которыми подобных связей нет. Вызывает вопросы и корректность наименования AUKUS в качестве блока (с. 200).
- «Издергки политики Китая в АТР приводят к возникновению конфликтогенных зон, где Китай стремится добиться преимущества в том числе при помощи военной силы. Наиболее значимые следствия роста военной мощи КНР: усиление активности Китая на море, расширение сферы влияния его вооружённых сил в Индийском и Тихом океане» (с. 27-28 автореферата). Автор некорректно смешивает военное строительство и политику: увеличение военных возможностей совершенно не означает, что государство при этом каким-либо образом трансформирует свою политику, это все-таки разные вещи.
- Сложно согласиться с тезисом автора о том, что политика «разворота в Азию» оказывается фактическим продолжением предыдущего курса (с. 207), в ней все-таки были значимые новые элементы.
- Действительно ли Китай стремится к гегемонии (с. 210 выводов), а не доминированию? Как минимум, этот дискуссионный тезис требует аргументации, которой не было представлено в тексте диссертационного исследования.
- Хотелось бы узнать у автора, почему он считает, что у КНР существует реальная возможность стать региональным гегемоном? Как это соотносится с

позицией и политикой таких стран, как США, Япония, Республика Корея, Австралия, Индия? (с. 220 выводов)

- Невозможно согласиться с тезисом о том, что Китай старается установить отношения союзничества со странами АТР (с. 211): у КНР только один полноценный союзник – это КНДР, а с остальными странами она такими отношениями не связана. Более того, Китай пока избегает установления новых союзов.
- Указывается на то, что китайские элиты хотят, чтобы Китай стал великой державой (с. 211), но Китай уже является великой державой, поэтому речь скорее должна идти об укреплении его позиций.
- При проведении аналогий между украинским кризисом 2022 г. и ситуацией вокруг Тайваня (с. 212-213) автор даже не упоминает о ключевом различии – о той ведущей роли, которую задача воссоединения с островом играет для внешней политики КНР.
- Синонимический ряд «разворота США в АТР» и «китайской мечты» как курсов/стратегий обеих стран в Западной части Тихого океана (с. 217) не является корректным. «Китайская мечта» не является подобным курсом или стратегией. Кроме того, в настоящее время имеет смысл говорить об Indo-Тихоокеанской стратегии, а не о «развороте».

В-четвертых, в диссертации содержится целый ряд ошибок и неточностей:

- Китай вступил в ВТО в 2001, а не в 2002 г. (с. 18 автореферата);
- В 1950-1951 гг. вооружённые силы Китая и США вступили в открытое вооружённое столкновение в ходе Корейской войны (с. 53);
- Первый кризис в Тайванском проливе был в 1954-55 гг., а не в 1953 г. (с. 53);
- Спорные острова в Восточно-Китайском море называются Сэнкаку (а не Сенкаку) (с. 60), китайская провинция – Чжэцзян (а не Чжецзян) (с. 196);
- «в законе об отношениях с Тайванем также сказано о том, что под защиту США попадают и находящиеся под управлением Тайваня острова Пэнху (Пескадорские о-ва)» - ничего подобного там не сказано – в нем нет обязательств по защите;
- Доклад ЭСКАТО о наличии запасов нефти и газа в Восточно-Китайском море – 1968 г., а не 1969 г. (с. 60);

- «Корабли береговой охраны и океанографические суда обеих сторон регулярно заходят в спорные воды» (с. 62) – не вполне корректный тезис, т.к. Япония контролирует острова и ее присутствие там постоянно, а КНР оспаривает контроль и именно его корабли береговой охраны и заходят в территориальное море и прилежащую зону вокруг островов;
- Китай провозглашает свободу только гражданского судоходства в ЮКМ, но не военного – военные корабли должны получать разрешение КНР на проход (с. 65);
- Ланьцзян-Меконг – это формат сотрудничества, форум, который проводится с 2016 г., а не экономический коридор (с. 71);
- Название экономического коридора – Китай-Индокитайский полуостров, а экономический коридор Бангладеш-Китай-Индия-Мьянма не входит в него, а является отдельным экономическим коридором (с. 71);
- Инициатива пояса и пути некорректно отождествляется практически исключительно с инфраструктурными проектами (с 69-71) – у нее гораздо больше сфер и направлений;
- «В отличие от конфликта в Восточно-Китайском море, наступающей стороной является Китай, а не противоположная сторона» (с. 78) – в Восточно-Китайском море Китай оспаривает японский контроль над островами, а не наоборот;
- «В 2016 г. Третейский суд в Гааге, куда подали жалобу Филиппины, вынес решение, согласно которому, Китай не имеет международно-правовых оснований для провозглашения суверенитета над территориями и акваториями в Южно-Китайском море» (с. 176) – искажение решения Международного арбитражного суда: он не выносил никакого решения по поводу суверенитета Китая, т.к. Китай отказался принимать участие в заседании; В решении суда сказано о том, что исторические права не могут служить основанием для обоснования принадлежности претензий КНР на акваторию в рамках «девятипунктирной линии», т.к. любые исторические основания на острова и рифы, находящиеся в пределах исключительных экономических зон и континентального шельфа других стран, не являются легальным после ратификации Конвенции ООН по морскому праву, - соответственно,

территориальные претензии Китая не могут основываться на праве исторической принадлежности;

- Не вполне корректно указано значение «Консенсуса 1992 года» (с. 191 – «материковый Китай и Тайвань не являются отдельными государствами»), его смысл в другом;
- «Военная экспансия Китая в Западной части Тихого океана» (с. 196) – некорректная формулировка;
- Тезис о том, что Австралия окончательно отмежевалась от отношений с Китаем под влиянием США (с. 199) не вполне корректен, т.к. не отражает влияния торговой войны между Австралией и КНР с 2020 г., о которой в диссертации ни разу не упоминается;
- Далеко не всегда присутствуют сноски на статистику (с. 59) и данные о военно-техническом оснащении вооруженных сил КНР и США (Главы 2 и 4);
- Присутствуют погрешности при оформлении сносок и списка использованных источников и литературы: во многих электронных сносях не указан источник или сайт, а в раздел научные статьи и монографии попали аналитические доклады и экспертные комментарии, которые должны быть вынесены в другие разделы.

В-пятых, при прочтении диссертационного исследования возник целый ряд вопросов в рамках научной дискуссии, а также дополнений к уже проведенному автором анализу. Данные замечания являются не критикой, а скорее частью научной дискуссии и дополнениями, которые могут помочь автору при работе над данной темой в будущем.

- Вывод автора о том, что демократы скорее склоняются к сотрудничеству с КНР (с. 55) следовало бы конкретизировать в зависимости от временного периода и объяснять, как платформа Демократической партии 2020 г. изменилась по сравнению с 2012 г. (С. 48). Все-таки в США сложился двухпартийный консенсус по поводу необходимости противостояния Китаю, а действия Демократической партии при администрации Дж. Байдена демонстрируют отнюдь не тренд на сотрудничество.

- Для проведения успешных боевых операций в районе Тайваньского пролива помимо указанного автором ракетного, противоракетного и

противовоздушного потенциала (с. 90) КНР также необходим сильный амфибийный потенциал, которого Китаю пока не хватает.

- Анализ в Главе 3 обогатил бы обзор документов по «развороту/перебалансировке США в АТР» при администрации Б. Обамы, которые показывали бы приоритеты его политики в области безопасности в регионе. О «перебалансировке США в АТР» в диссертации вообще не упоминается. Это позволило бы более четко показать общее и различное в курсе Обамы и стратегиях свободного и открытого ИТР, принятых следующими администрациями. Помимо этого, стоило бы охарактеризовать, в чем администрации Д. Трампа и Дж. Байдена видели и видят смысл свободного и открытого ИТР.
- Важной для анализа данной проблематики была бы характеристика роли союзников – Японии, Южной Кореи, о. Гуам и других партнеров, например, Сингапура в военной политике США в АТР – какие силы там размещены, какова их функциональная роль и т.п.
- Следовало бы рассмотреть целый ряд важных моментов, которые оказывали или оказывают непосредственное влияние на военную политику США в отношении Китая: обновление руководящих принципов оборонного сотрудничества США и Японии 2015 и значение права на коллективную самооборону для альянса, отличие американской политики «одного Китая» от политики «одного Китая» КНР, возвращение на базу Субик-бэй на Филиппинах с 2014 г., инцидент между КНР и США с исследовательским судном США *Impeccable* в 2009 г., Logistics Exchange Memorandum of Agreement (LEMOA) США и Индии в 2016 г., переименование командования в Индо-Тихоокеанское, вопрос о размещении ракет средней дальности в Азии после завершения действия ДРСМД, вопрос о взаимосвязанности Инициативы пояса и пути и проблематики безопасности. Помимо этого, при описании инцидента вокруг рифа Скарборо в 2012 г. даже не упоминается о том, что в итоге Китай установил контроль над рифом силовым путем и перестал допускать туда рыбаков и береговую охрану Филиппин. Пожалуй, самым значимым из упущенных автором моментов является трансформация деятельности и повестки Quad при администрациях Д. Трампа и Б. Обамы и участие в учениях Малабар.

- В диссертации не сказано о позиции США по поводу ЮКОМ и различном с Китаем понимании свободы судоходства в ЮКОМ (с. 175-178) и последствий этого для США и региона в целом, тогда как для США проблематика свободы судоходства и пролетов авиации является одной из ключевых при выстраивании военной политики в отношении КНР;
- Проведенный в диссертации анализ существенно дополнил бы учет вопросов безопасности на Корейском полуострове, т.к. они оказывают серьезное влияние на американскую политику в отношении АТР, особенно в военно-политической сфере;
- Возникает вопрос: почему администрация Б. Обамы не приняла формулу «отношений нового типа между великими державами»? Как это было воспринято американской администрацией? В диссертации говорится о том, что к ней апеллировали представители обеих стран (с. 173), тогда как в итоге она не была принята США (о чем диссертация умалчивает).
- В диссертации отмечается, что политика Д. Трампа – продолжение курса Б. Обамы (с. 185), тогда в чем отличие свободного и открытого ИТР от «разворота/перебалансировки в АТР» Б. Обамы? Хотелось бы, чтобы автор четко сформулировал это различие. Помимо этого, хотелось бы услышать четкий ответ автора на один из главных вопросов для данной проблематики: почему США перешли к стратегическому соперничеству с Китаем?
- Хотелось бы узнать у автора, как на военную политику США по отношению к Китаю влияет российско-китайское сотрудничество (как военно-техническое, так в сфере безопасности)? Насколько этот фактор учитывается при военном и внешнеполитическом планировании в США?

Высказанные замечания, однако, ни в коей мере не умаляют качества проделанной работы, а во многом вытекают из стремления соискателя охватить большое количество вопросов в одном исследовании. Автореферат в полной мере отражает содержание диссертации. Представленная диссертация – это полностью самостоятельная работа, проведенная на основе огромного эмпирического материала и характеризующаяся высоким уровнем научной новизны. Она ставит на повестку дня важную исследовательскую тему и без сомнения вносит вклад в

разработку рассматриваемой автором научной проблемы и намечает многие вопросы для дальнейших исследований. Диссертационное исследование является самостоятельной завершенной работой. Основные выводы, полученные автором в ходе исследования, нашли свое отражение в научных публикациях автора, в том числе в восьми статьях, опубликованных в рецензируемых журналах, входящих в реестр ВАК РФ.

Диссертационная работа А.С. Степанова «Военная политика США в отношении Китая в начале XXI века» отвечает требованиям пп. 9-11, п.13, п.14 Положения о присуждении ученых степеней, утвержденного Постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г. № 842 (в редакции Постановления Правительства РФ от 26 сентября 2022 г. № 1690), а ее автор заслуживает присуждения ученой степени кандидата политических наук по специальности 5.5.4. Международные отношения, глобальные и региональные исследования.

Официальный оппонент

Кандидат политических наук

(специальность 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития)

доцент кафедры востоковедения, научный сотрудник Центра комплексного китаеведения и региональных проектов Факультета политологии Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации»

Киреева Анна Андреевна

07 декабря 2022 г.

Россия, г. Москва, 119454

Проспект Вернадского, д.76

тел. (495) 229-38-29; e-mail: a.kireeva@my.mgimo.ru



В.А. Николаенко
434-92-30